

Государственный интерес: власть суверена по умолчанию

Аннотация. Суверенитет — диалектически развивающийся феномен. В классическом понимании суверенитет есть у верховной власти, например в лице главы государства или когда центр публичности — народ, и речь тогда ведут о народном суверенитете. Однако в современной истории суверенитетом стал наделяться даже просто человек, личность, гражданин. Так или иначе, при всех расхождениях восприятия суверенитета сам термин всегда связывается с властью, и это не вызывает ни у кого никаких споров и сомнений. А вот каковы пределы данной власти и есть ли у нее границы в политико-правовом пространстве? Подобные вопросы и дискуссионны, и весьма болезненны, потому что максимально сталкивают нас с реальностью, где сама жизнь, наша экзистенция и витальные ценности, зависят от обладателя суверенитета. В настоящей статье предпринята попытка раскрыть конструкт суверенной власти. Под носителем такой власти, сувереном автор понимает главу государства как единичного субъекта политико-правовых отношений. Природа же власти суверена поясняется через государственный интерес, детерминированный чрезвычайным положением.

Ключевые слова: государство, власть, политика, политико-правовое пространство, граница, суверенитет, суверен, глава государства, господство, народ, право, закон, чрезвычайное положение.

**Валентина
Геннадьевна
РУМЯНЦЕВА,**

доцент кафедры истории
государства и права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, доцент
valentinorum@mail.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.111.11.165-170

Valentina G. RUMYANTSEVA,

Associate Professor,

Department of History of State and Law

of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),

Cand. Sci. (Law), Associate Professor

valentinorum@mail.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

The State Interest: the Sovereign's Power by Default

Abstract. Sovereignty is a dialectically developing phenomenon. In the classic sense, sovereignty belongs to the supreme power, for example, represented by the head of state, or if the center of publicity is the people, the sovereignty of the people (the popular sovereignty) is meant then. Nevertheless, in modern history, even just a person, a personality, a citizen has begun to be endowed with sovereignty. One way or another, with all the differences in the perception of sovereignty, the term itself has always been

© Румянцева В. Г., 2023

associated with power, and this neither provokes any disputes nor casts any doubts. But the points about the limits of this power and whether it has boundaries in the political and legal space are both debatable and rather painful, because they maximally confront us with reality, where life itself, our existence and vital values turn out to be dependent on the owner of sovereignty. This article attempts to reveal the construct of sovereign power. By the power holder — the sovereign, the author of the article understands the head of state as a single subject of political and legal relations. The nature of the sovereign's power is elucidated through the state interest determined by the state of emergency.

Keywords: *state, power, politics, political and legal space, border, sovereignty, sovereign, head of state, domination, people, law, a law, state of emergency.*

Следуя по диалектической спирали, национальное вновь побеждает над-национальное, обуславливая приоритет интересов государства над интересами международного сообщества, которое более походит на фикцию. Реновация идей Жана Бодена о суверенитете отвечает требованиям такой тенденции: «суверенитет есть абсолютная и постоянная власть государства»¹. Благодаря простоте и лаконичности позиции мыслителя, его учение о суверенитете легко встраивается в алгоритм идеологии сильного государства.

Допуская в интересах государства передачу власти на определенный период чиновникам, своего рода хранителям и стражам абсолютного могущества, Жан Боден поясняет, что «персона суверена всегда исключительна в определениях права, как власть и авторитет, которые отдают другому, но при этом никогда столько, чтобы он не удерживал больше»².

Источник власти заключен в одном начале, в суверене. Центр публичности един, и потому суверенитет неделим: либо он есть, либо его нет. Суверенитет — это безраздельное господство, верховенство власти. Суверенитет, по Карлу Шмитту, «высшая, не производная власть правителя»³. В личности государя народ символически воплощает саму власть⁴.

Potestas и *auctoritas*, любовь и преданность народа — вот великая сила подлинного суверена. Суверен отличен от всех, он — императив своей воли, обладает уникальной привилегией быть настоящим субъектом политико-правового пространства, ибо «масса видит в суверене субъекта»⁵, в себе же — его объект.

¹ Боден Ж. Шесть книг о государстве // Антология мировой правовой мысли : в 5 т. М. : Мысль, 1999. Т. 2. С. 692.

² Боден Ж. Указ. соч. С. 693.

³ Шмитт К. Политическая теология // Политическая теология : сборник. М. : Канон-Пресс-Ц, 2000. С. 16.

⁴ Исаев И. А. Народ и суверен: одноразовое соглашение // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 4 (104). С. 125.

⁵ Батай Ж. Суверенность // «Проклятая часть»: сакральная социология. М. : Ладомир, 2006. С. 344.

Вместе с тем суверенитет — это и независимость, ограниченность субъекта политико-правового пространства от внешнего мира. Рождение суверенитета «происходит изнутри и распространяется вовне», он и «закрытая для внешнего мира корпскула», и «взаимодействующая с внешним миром целостность»⁶ (Игорь Исаев).

Суверенитет трансформируется во времени и в пространстве. Средневековые со своими замками, закрытыми пространствами власти служило идеальным воплощением суверенитета, высшей точкой которого стал уже нововременной абсолютизм. На величие суверена запрещается смотреть, «чтобы не осквернить его взглядом»⁷. Вот так возвышается глава государства.

Если перенестись в современную историю, то Джорджио Агамбен характеризует суверенитет как пограничное понятие, находящееся между двумя категориями: «государством» и «правом». Ранее все дискуссии сводились к наделению властными полномочиями того или иного субъекта политико-правового пространства. Сегодня, при зачатках краха крупных государственных институтов, актуализируется «вопрос о границах и об изначальной структуре государственности в какой-то новой перспективе»⁸, где чрезвычайная ситуация — фатальность, норма.

В теории суверенитета Карла Шмитта чрезвычайное положение ставится во главу угла. Ученый заверяет нас, что для юриспруденции данный феномен столь же значим, сколь чудо для теологии. Вообще большая ответственность ложится на интерпретатора института чрезвычайного положения, много здесь кроется непонятого и непонятного, при том что все это находится еще и в области витального. Молчание или обтекаемые фразы ученых и законодателей делают институт затруднительным для реализации.

Чрезвычайное положение не есть правовая ситуация. Принятие подобной логики дает практические результаты, выраженные в публичном осознании высокой ответственности суверена, его первой роли при судьбоносном положении дел в государстве. Фундаментальная аргументация немецкого юриста привлекательна, она воплощает генеральную установку эволюции человечества — волю к жизни, импульс всего живого. Карл Шмитт указывает: «Поскольку чрезвычайное положение всегда есть еще нечто иное, чем анархия и хаос, то в юридическом смысле все же существует порядок, хотя и не правопорядок»⁹.

Когда это состояние наступает, «то ясно, что государство продолжает существовать, тогда как право отходит на задний план»¹⁰. Следовательно, такое состояние не есть правовой режим. Права нет. Суверен, «обладая законной властью приостанавливать действие закона, ставит себя вне закона»¹¹ (Джорджио Агамбен). Пассивность, преступное бездействие недопустимы. Правитель как бы провозглашает: «Я, суверен, находящийся вне закона, заявляю, что положения

⁶ Исаев И. А. Суверенитет: закрытое пространство власти. М. : Проспект, 2017. С. 4.

⁷ Хеншелл Н. Миф абсолютизма. Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. СПб. : Алетейя, 2003. С. 188.

⁸ Агамбен Дж. Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М. : Европа, 2011. С. 19.

⁹ Шмитт К. Указ. соч. С. 25.

¹⁰ Шмитт К. Указ. соч. С. 25.

¹¹ Агамбен Дж. Указ. соч. С. 22.

вне закона нет»¹². Суверенное решение о чрезвычайном положении демонстрирует: устанавливается некий порядок (но не правопорядок, как уже говорилось ранее), сам по себе диктующий, что в него включено, что исключено, тем самым вносится ясность относительно политической обстановки и стабилизируется государство.

В XXI в. неслучайна популяризация шмиттовского постулата: «Суверенен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении»¹³. Трагизм парадокса современности заключается в том, что именно научно-технологический прогресс стал нашим же проклятием. Человечество слишком многое познало и открыло, приравняв себя к Богу, и теперь движется к самоуничтожению — легко в один миг уничтожит себя.

Кроме того, безусловно, темы, связанные с суверенитетом, востребованы «в периоды различных кризисов, глобальных перемен, перестройки системы миропорядка»¹⁴. Сейчас такое время. Геополитическая лихорадка, гибридные угрозы вновь заставляют размышлять о случаях крайней необходимости для экзистенции государства и его народа. Это, в свою очередь, фундировано следующими проблемами: кто принимает решение при чрезвычайной ситуации и в чем заключен государственный интерес (в общественной безопасности и порядке).

Вспомним анализ «Левиафана», сделанный Ханной Арендт. Томас Гоббс своим произведением осуществил прорыв в восприятии государства, которое основывалось не на каком-либо конституирующем источнике права (священный закон, естественное право, общественный договор), а на самих индивидуальных интересах: «частный интерес есть то же самое, что и общий»¹⁵. Английский философ хотел таким образом защитить частные интересы, ведь они являются одновременно и интересами политического целого.

Ханна Арендт патетично называет Томаса Гоббса единственным великим мыслителем, единственным великим философом, «которого можно по праву считать исключительно буржуазным»¹⁶. В своей модели властеотношений он смог представить частный интерес в полном объеме, вывести его из общественного блага. Левиафан — синтез частных интересов, он является «лишь искусственным человеком, более крупным по размерам и более сильным, чем естественный человек, для охраны и защиты которого он был создан»¹⁷. Государственный интерес имеет потенциал, способен и должен воплощать частные интересы. Общие интересы «больше всего выигрывают там, где они более тесно совпадают с частными интересами»¹⁸ (Томас Гоббс).

Кем бы ни определялось государство, какой бы школой ни растолковывался его феномен, все частности сводятся к одному: государство — социальный

¹² Агамбен Дж. Указ. соч. С. 22.

¹³ Шмитт К. Указ. соч. С. 15.

¹⁴ Жаворонкова Н. Г., Шпаковский Ю. Г. Экологический суверенитет России: правовой анализ // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 10. С. 85—92.

¹⁵ Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. С. 205.

¹⁶ Арендт Х. Указ. соч. С. 204—205.

¹⁷ Гоббс Т. Левиафан // Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1991. Т. 2. С. 6.

¹⁸ Гоббс Т. Указ. соч. С. 146.

конструкт с амбивалентным обликом, насколько живой, близкий (в лице народа, политиков), настолько мертвый, отстраненный (в рамках паутины наукообразия и демагогии).

Государство есть абстракция ментального мира. Реальность — кровь и плоть — государству придает народ или нация в политико-правовом смысле (кто как считает), т.е. государство прежде всего олицетворяет их. Управление государством реализуется пока людьми, и суверен тоже человек. Выбор правовых интересов и поиск баланса между частными и публичными интересами, как и открытое предпочтение тех или иных интересов, носит скорее декларативный, даже популистский характер. Порой все интересы, поглощая друг друга, пересекаются и словно сплетаются в клубок. Политически или юридически распутать подобное невозможно, что не мешает защищать правовые интересы. Это и есть сама жизнь.

Суверен настолько политически могуч, что репрезентирует саму историю¹⁹. Потому-то суверен может и быть богом, и потреблять большую часть продуктов труда массы, — все это не из области трансцендентного, а вполне рационально и предопределяется в том числе тяжестью бремени верховной власти. Однако и мир суверена хрупок: политическая неудача — и дурман сакральных чар мгновенно рассеивается, «расточавшиеся ему заботы, преданность, религиозное почитание обращаются в ненависть и презрение; его прогоняют с позором, если вообще оставляют в живых»²⁰.

Исторически во всех формах проявления, от первобытных до цифровых, верховная власть ценна тогда, когда несет благо народу. Платон напоминает, что всякая власть заботится о тех, «кто ей подвластен и ею опекаем — в общественном и в частном порядке»²¹. В самом деле, демонстрация слабости и беспомощности власти заканчивается трагично: вчерашнее поклонение сменяется вечным проклятием, на место правопорядка приходит хаос. «Если верховный правитель — бог, он должен хранить свой народ; если же он этого не делает, то должен уступить место более способному»²².

Когда наступает чрезвычайная ситуация, суверен не может пытаться или ошибаться, он должен мгновенно принимать четкие политико-правовые решения, мобилизуя все ресурсы. Здесь нет места для другой воли, необходимо неуклонно следовать государственному интересу во имя спасения народа: власть суверена по умолчанию выходит за границы правового пространства. Публичная власть величественна. Олицетворяют ее грозные звери — Левиафан, Бегемот и др. Власть тождественна стойкости и твердости, не трусливому малодушию. Такова историческая правда, то, что сложилось и традиционно подчеркнуто в естестве государства, — защита населения от внешнего и внутреннего врага.

¹⁹ Беньямин В. Происхождение немецкой барочной драмы. М. : Аграф, 2002. С. 50.

²⁰ Фрэнк Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018. С. 224.

²¹ Платон. Государство // Собрание сочинений : в 4 т. СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета ; Издательство Олега Абышко, 2007. Т. 3. Ч. 1. С. 125.

²² Фрэнк Дж. Указ. соч. С. 224.

И как луна преломляет свет солнца, так и интерес человека и в правовом, и в политическом пространстве отражает интерес государства. Суверен же — в мифах и реалиях — всегда защитник своего государства и народа.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Агамбен Дж. Номос сасер. Суверенная власть и голая жизнь. — М. : Европа, 2011. — 256 с.
2. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. — М. : ЦентрКом, 1996. — 672 с.
3. Батай Ж. Суверенность // «Проклятая часть»: сакральная социология. — М. : Ладомир, 2006. — С. 311—487.
4. Беньямин В. Происхождение немецкой барочной драмы. — М. : Аграф, 2002. — 288 с.
5. Боден Ж. Шесть книг о государстве // Антология мировой правовой мысли : в 5 т. — М. : Мысль, 1999. — Т. 2 : Европа: V—XVII вв. — С. 689—695.
6. Гоббс Т. Левиафан // Сочинения : в 2 т. — М. : Мысль, 1991. — Т. 2. — С. 3—545.
7. Жаворонкова Н. Г., Шпаковский Ю. Г. Экологический суверенитет России: правовой анализ // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2023. — № 10. — С. 85—92.
8. Исаев И. А. Народ и суверен: одноразовое соглашение // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2023. — № 4 (104). — С. 122—130.
9. Исаев И. А. Суверенитет: закрытое пространство власти. — М. : Проспект, 2017. — 160 с.
10. Платон. Государство // Собрание сочинений : в 4 т. — СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета ; Издательство Олега Абышко, 2007. — Т. 3. — Ч. 1. — С. 97—493.
11. Фрэзер Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. — М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018. — 976 с.
12. Хеншелл Н. Миф абсолютизма. Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. — СПб. : Алетейя, 2003. — 272 с.
13. Шмитт К. Политическая теология // Политическая теология : сборник. — М. : Канон-Пресс-Ц, 2000. — С. 7—98.